

ЯН ГУС В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ГАЛЯМИЧЕВ

The author of this article examines the reflection of the life and teachings of Jan Hus in the works of the great Russian writers of the 19th century Apollon Maikov and Fyodor Dostoyevsky in the context of their philosophical quest.

Key words: Russian literature; Jan Hus; Apollon Maikov; Fyodor Dostoyevsky.

Образ Яна Гуса занимает видное место в художественной литературе различных времён и народов. К нему обращались и русские писатели XIX столетия, когда идеи и образы истории зарубежных славян стали предметом глубокого осмысления русского общества, вызвав оживлённые споры, в которых вопросы славянской истории тесно переплетались с поисками путей обновления России. В год 600-летия со дня рождения Яна Гуса представляется уместным вспомнить некоторые моменты отражения его образа в русской литературе.

Широкую известность приобрело в России написанное в связи с отмечавшимся в 1869 году 500-летием со дня рождения Яна Гуса стихотворение выдающегося русского поэта Ф. И. Тютчева «Гус на костре». Поэт, разделяя взгляды славянофилов, полагал, что выступление Яна Гуса было попыткой восстановить в XV веке православие в Чехии, которое укоренилось в стране на заре её истории благодаря подвигу св. Кирилла и Мефодия, но затем в течение нескольких столетий подавлялось духовным гнѐтом западного католицизма, чуждого духу славянских народов. В заключительных строках своего стихотворения Ф. И. Тютчев обращался к братскому чешскому народу с пламенным призывом:

«О, чешский край! О род единокровный!
Не отвергай наследья своего!
О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество!
И, цепь порвав с юродствующим Римом,
Гнетущую тебя уж так давно,
На Гусовом костре неугасимом
Расплавь её последнее звено»¹.

Следует при этом отметить, что в русской литературе XIX века были и иного рода отклики на жизненный подвиг и дело Яна Гуса. Ещё в 1860 году стихотворение (или небольшую поэму) о Гусе написал другой выдающийся русский поэт Аполлон Николаевич Майков (1821–1897)². Как и Ф. И. Тютчев, А. Н. Майков разделял многие

¹ ТЮТЧЕВ, Ф. И.: *Гус на костре*. In: ТЮТЧЕВ, Ф. И.: *Полное собрание стихотворений*. Л., 1987, с. 254–255.

² МАЙКОВ, А. Н.: *Приговор (Легенда о Констанцском соборе)*. In: МАЙКОВ, А. Н.: *Избранные произведения*. Л., 1957, с. 274–280.

идеи славянофилов, был убеждён в огромной роли православия в развитии духовной культуры русского народа³.

Однако образ Гуса в его произведении имел иной характер. А. Н. Майков не стал представлять великого чеха мужественным поборником православия, а увидел в его подвиге один из эпизодов вековых духовных поисков человечества.

Здесь свою роль сыграло, по-видимому, тесное дружеское общение А. Н. Майкова с выдающимися представителями чешской культуры эпохи Национального Возрождения, благодаря которому поэт мог составить представление о восприятии наследия Гуса самими чехами⁴. Своё слово сказало и глубокое знакомство русского поэта с историей западной церкви и Констанцского собора, изучение которой предшествовало написанию произведения⁵.

Стихотворение начинается описанием заключительного заседания Констанцского собора по делу Гуса, на котором ему выносился смертный приговор. Эпический рассказ, казалось бы, должен был завершиться трагической развязкой: слушая выступление обвинителя («чёрного доктора»), собор всё более утверждался в справедливости своего решения:

«Каждый чувствовал, что смута
Многих лет к концу приходит
И что доктор из сомнений
Их, как из лесу, выводит...»

Но совершенно неожиданно в мерное течение заседания вмешиваются непредвиденные обстоятельства, виновником которых стал скупающий паж императора Сигизмунда:

«Вдруг – в открытое окошко
Он взглянул – и оживился;
За пажом невольно кесарь
Поглядел, развеселился;

За владыкой – ряд за рядом,
Словно нива от дыханья
Ветерка обопротивилось
Тихо к саду всё собранье:

Грозный сонм князей имперских,
Из сорбонны депутаты,
Трирский, Люттихский епископ,
Кардиналы и прелаты,

³ См.: БОРОДКИН М.: *Поэтическое творчество А. Н. Майкова*. СПб., 1900, с. 37, 56.

⁴ А. Н. Майков весной 1844 г. во время заграничного путешествия приехал в Прагу и познакомился с В. Ганкой, П. И. Шафариком и другими деятелями Чешского Национального Возрождения. См.: ЗЛАТКОВСКИЙ, М. Л.: *Аполлон Николаевич Майков. 1821–1897. Биографический очерк*. СПб., 1898, с. 27; *Пребывание Майкова за границей и жизнь его по возвращении*. In: *Аполлон Николаевич Майков. Сборник историко-литературный статей*. Сост. В. И. ПОКРОВСКИЙ. М., 1911, с. 10.

⁵ Как отмечалось в одной из критических статей, «для создания картины Констанцского собора мало одной жизни; здесь нужна наука, всё равно как Пушкину она была нужна для создания «Бориса Годунова» (*Аполлон Николаевич Майков. Сборник историко-литературный статей*, с. 159).

Оглянулся даже папа! –
И суровый лик дотоле
Мягкой старческой улыбкой
Озарился поневоле;

Сам оратор, доктор чёрный,
Начал путаться, сбиваться,
Вдруг умолкнул и в окошко
Стал глядеть – и улыбаться!»

Причиной всеобщего оживления стало пение соловья, расположившегося на кусте сирени перед мрачным замком:

«Он запел – и каждый вспомнил
Соловья такого ж точно,
Кто в Неаполе, кто в Праге,
Кто над Рейном в час урочный,

Кто – таинственную маску,
Блеск луны и блеск залива,
Кто – трактиров швабских Гебу.
Разливательницу пива...

Словом – всем пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотые грёзы счастья,
Золотые дни свободы...

И – история не знает,
Сколько длилось молчанье,
И в каких странах витали
Души чёрного собрания...»

Собор преобразился, и даже вызванный на собор аскет-отшельник, растроганный до слёз, едва не решился выступить в защиту Гуса и даже уже поднялся с места.

«Но, как будто перепуган
Звук собственного слова,
Костылём ударил об пол
И упал на место снова;

«Пробудитесь! – возопил он,
Бледный, ужасом объятый. –
Дьявол, дьявол обошёл нас!
Это глас его проклятый!..»

Вопли «прозревшего» фанатика вернули собору его обычное состояние, и дело Гуса было доведено до вынесения обвинительного приговора, осуждавшего его на мучительную казнь.

«Ужаснулося собрание,
Встало с мест своих, и хором

«Да воскреснет Бог» запело
Духовенство всем собором, —

И, очистив дух от беса
Покаяньем и проклятьем,
Все упали на колени
Пред серебряным распятым —

И, восстав Йогана Гуса,
Церкви божьей во спасенье,
В назиданье христианам,
Осудили — на сожженье...

Так святая ревность к вере
Победила ковы ада!
От соборного проклятья
Дьявол вылетел из сада,

И над озером Констанцским,
В виде огненного змея,
Пролетел он над землёю,
В лютой злобе искры вея.

Это видели: три стража,
Две монахини-старушки
И один констанцкий ратман,
Возвращавшийся с пирушки).

Как и во всяком поэтическом произведении в стихотворении А. Н. Майкова много недосказанного. Тем не менее можно, на наш взгляд, трактовать его как признание в личности Яна Гуса одну из попыток обрести истинный дух христианства, живительный дух любви и свободы. Этот вывод становится ещё более убедительным при сравнении стихотворения «Приговор» со стихотворением «Савонарола» (1851) из того же историко-философского цикла «Века и народы»⁶.

В последних строках стихотворения А. Н. Майков пишет о Савонароле, так же, как и Гус, погибшем на костре инквизиции:

«Христос, Христос! Но, умирая
И по следам твоим ступая,
Твой подвиг сердцем возлюбя,
Христос! Он понял ли тебя?

О нет! Скорбящих утешая
Ты чистых радостей не гнал,
И, Магдалину возрождая,

⁶ МАЙКОВ, А. Н.: *Савонарола* // МАЙКОВ А. Н.: *Избранные произведения*. Л., 1957, с. 264–269.

Детей на жизнь благославляя!
 И человек, в твоём ученье
 Познав себя, в твоих словах
 С любовью видит откровенье,
 Чем может быть он свят и благ...
 Своею кровью жизни слово
 Ты освятил — и возросло
 Оно могуче и светло;
 Доминиканца ж лик суровый
 Был чужд любви — и сам он пал
 Бесплодной жертвою...»

Стихотворения «Приговор» имеет, таким образом, большое значение для изучения как мировоззренческих исканий А. Н. Майкова, так и восприятия образа Яна Гуса в русском обществе середины XIX века.

Но этим, по-видимому, поднятый нами сюжет не исчерпывается. По предположению известного современного российского литературоведа, Б. Соколова, от стихотворения «Приговор» тянется связующая нить к роману великого русского писателя Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», а точнее — к вставной притче «Великий инквизитор» («Легенда о Великом инквизиторе») в составе пятой главы пятой книги «Pro и contra» второй части романа. Отметим при этом что сам Достоевский называл притчу кульминационной точкой своего романа, «последнего, итогового и, безусловно, самого великого романа Достоевского»⁷. Она оказала огромное влияние на развитие мировой культуры.

Аполлон Николаевич Майков был ближайшим другом Ф. М. Достоевского со времён молодости до последнего мгновения его жизни писателя, находясь возле умирающего писателя. Их связывала постоянная переписка, в которой друзья делились мировоззренческими и творческими исканиями и открытиями⁸. Поэтому предположение Б. Соколова представляется весьма вероятным. Он отмечает: «Поразительно, но Великий инквизитор, творящий расправу в Севилье XVI века, имеет своим прототипом отнюдь не исторического, вроде снискавшего недобрую славу доминиканца Торквамеды (1420–1498), первого "великого инквизитора", а вполне конкретных литературных прототипов. Один из них, главный, удивительным образом больше ста лет оставался совершенно в тени, хотя при этом, что называется, лежал на поверхности. Речь идет о поэме самого близкого друга Достоевского Аполлона Майкова "Приговор", снабженной подзаголовком "Легенда о Констанцском соборе". Там – Легенда о Великом инквизиторе, окрещенная поэмой, здесь – поэма, окрещенная "Легендой о Констанцском соборе"... Майков написал "Приговор" в 1860 году, за восемь лет до того, как у Достоевского зародился замысел романа "Атеизм", из которого впоследствии и развились "Братья Карамазовы" с Легендой о Великом инквизиторе. И впервые об этом замысле Достоевский сообщил именно Майкову, в письме от 11 октября 1868 года: "Здесь у меня на уме теперь огромный роман, название ему "Атеизм" (ради Бога, между нами), но прежде, чем приняться за который, мне нужно прочесть чуть не целую библиотеку атеистов, католиков и православных..."⁹

⁷ КУЛЕШОВ, В. И.: *Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского*. М., 1984, с. 160.

⁸ См.: СУХОВА, Н.: *Дары жизни. Книга о трёх поэтах. А. А. Фет, Я. П. Полонский. А. Н. Майков*. М., 1987, с. 113.

⁹ СОКОЛОВ, Б.: *Расшифрованный Достоевский. Тайны романов о Христе. Преступление и наказание. Идиот. Бесы. Братья Карамазовы*. М., 2007, с. 167. <http://www.rulit.me/books/rasshifrovannyj-dostoevskij-tajny-romanov-o-hriste-prestuplenie-i-nakazanie-idiot-besy-bratya-karama-read-311644-167.html> (Дата обращения: 18.08. 2015).

Предположение Б. Соколова заслуживает, на наш взгляд, внимательного изучения в свете известных науке фактов и дальнейших поисков. Думается, однако, что в любом случае оно представляет большой интерес для чешского читателя, продолжая тему осмысления наследия Яна Гуса в русской общественной мысли.